

Домрачева Мария Владимировна, студентка,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Domracheva Maria Vladimirovna, Nizhny Novgorod

Изумрудов Юрий Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Juriy Aleksandrovich Izumrudov, Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod

С.Н. ДУРЫЛИН И К.Н. ЛЕОНТЬЕВ:

ДВА ПИСАТЕЛЯ — ОДНО МИРОВОЗЗРЕНИЕ

(РОМАН «ПОДЛИПКИ» И ПОВЕСТЬ «СУДАРЬ КОТ»)

**S.N. DURYLIN AND K.N. LEONTIEV: TWO AUTHORS — ONE MINDSET
(THE NOVEL «PODLIPKI» AND THE NOVELLA «SUDAR CAT»)**

Аннотация. В статье рассматривается творческая и жизненная судьба С.Н. Дурылина и К.Н. Леонтьева — литературных и научных деятелей, священнослужителей, в свое время не признанных и несправедливо забытых. Устанавливаются общие для писателей эстетические и нравственные воззрения, характеризующие их литературные и научные труды.

Abstract. The article deals with the creative and life destiny of S.N. Durylin and K.N. Leontiev - literary and scientific figures, clergymen, not recognized and unjustly forgotten in their time. The aesthetic and moral views common to the writers, characterizing their literary and scientific works, are established.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, К.Н. Леонтьев, бытие, вера, образ ребёнка, миф.

Keywords: S.N. Durylin, K.N. Leontiev, being, faith, image of a child, myth.

«“Остановись на прекрасном”, не только “остановись”, а непременно “на прекрасном, если — прекрасен”» [9, с. 40] — пожалуй, это самое точное определение жизненного кредо двух писателей, с помощью которого характеризует Константина Николаевича Леонтьева сам Дурылин в «Заметках о Леонтьеве и для Леонтьева». Вне зависимости от того, какие политические разногласия и перевороты происходят в государстве, литература как основополагающая часть культуры должна быть в большей степени наделена эстетической составляющей — тем, что выводит литературу «из сферы чисто профессиональных, “земных занятий”» [там же, с. 38]. Из этого высказывания следует объяснение восприятия Дурылиным произведения искусства, выведенное доктором филологических наук И.В. Мотеюнайте: «...произведение искусства, по Дурылину, переводится на язык другого искусства, но не переводится на язык логических понятий» [там же, с. 40]. Здесь «язык логических понятий» — возможность интерпретировать мир произведения иным способом, кроме трактовки самим себя исходным текстом.

Однако эстетика не может существовать сугубо в литературе: сама жизнь должна быть нравственно и благородно наполнена, чтобы ее возможно было оценить с эстетической стороны. Кроме того, Сергей Николаевич Дурылин не только как писатель, но и как читатель был ценителем литературы не пропагандистского, а образовательного характера. Показательно высказывание писателя о покупке книг как о приобретении «целого мира». Каждый «мир» для писателя «особый, никак на другой не похожий, и можно выбирать эти миры — тот взять, а этот не брать». Подобный выбор для писателя очень важен, ведь в нем проявляется «одна из последних» свобод» [3, с. 236].

У других писателей Дурылин, прежде всего, ценит живые образы, создаваемые посредством точной лексики, детально воспроизводящей мысль автора в сознании читателя (например, тугой звук падающего яблока в стихотворении «В осеннем саду» из сборника «Плакун-трава» П. Соловьевой — сестры поэта В. Соловьева). Дурылин искренне превозносил русскую

литературу, изучал ее историю и гордился «трудными писателями», которым было недостаточно лишь прочтения их произведений — им нужно было, «чтобы он [читатель] как-то постучался у их дверей и, в свою очередь, сам впустил их не только в двери своего дома, но и в двери своей души» [9, с. 43]. С помощью такого подхода к работе с произведениями создается необходимый диалог между читателем и автором, сближающий их между собой. Во взглядах Леонтьева сосредоточилось сразу несколько близких С.Н. Дурылину воззрений: наряду с умением создавать уникальные миры произведений, «оптинское» христианство» объединялось с «народничеством».

Писатели, вызывающие интерес у Дурылина, рассматриваются им, прежде всего, как люди с трудной, непохожей ни на чью другую судьбой. Так произошло при осмыслении жизни и творчества Маяковского: «...метонимическое обозначение «желтой кофтой» привлекает внимание не к собственно литературному творчеству поэта <...> а к его жизни, с ее всем понятными трудностями безденежья» [там же, с. 42]. Исследование отдельных личностных аспектов судеб писателей не ограничивалось познанием сугубо внешних черт — Дурылин пристально наблюдал и за изменениями человеческой души, что роднит писателя с близкими К.Н. Леонтьеву историософскими идеями, ставящими человека и его деятельность в центр развития истории. Переход от атеизма, в который сгоряча окунулся молодой Дурылин, к принятию священного сана не только свидетельствует об обширных интересах писателя, но и демонстрирует попытку разобраться в себе. Подобным образом через христианство ищет «путь к личному спасению» Леонтьев, чья философия вступала в полемику с идеей «спасения всего человечества» В. Соловьева. Кажется, Дурылин увидел в Леонтьеве соратника, родную душу, ищущую спокойствия, как того желал сам писатель.

Свои мысли Дурылин часто представлял замаскированными под исследование «о чужом творчестве» — «форма «самосокрытия». Так, в период Челябинской ссылки (1923-1924 гг.) изучение творчества Леонтьева и

Нестерова послужило толчком к написанию ряда статей. Одной из них стала статья «К. Леонтьев-художник. Заметки. “Подлипки”», где Дурылин противопоставил роман К.Н. Леонтьева «всей послегоголевской русской прозе, по преимуществу растратившей свои могучие силы и дарования на «посторонние и чужие» литературе, но зато «общественно-пригодные темы» [4, с. 28].

«Болезнь современной литературы» (1920-х годов) Дурылин видит в «отмене идеала» создаваемого классиками «украшенного» мира произведения, опираясь на суровую реальность. Дурылина действительно покоряло умение Пушкина, Фета, Лермонтова, а также Леонтьева, ищущего «эстетическое оправдание» «безобразию мира», создавать чудесные произведения, живя в той же России, с ее «липкой октябрьской черноземной грязью» и «завалившимися избами в деревнях» [7, с. 88], что и многие писатели-современники Дурылина, чьи работы более соответствовали политическому заказу, игнорирующему религиозные ценности. Так, неоднозначно было отношение С.Н. Дурылина к М. Горькому, в котором писатель одновременно видел талант и глухоту «к религиозному началу и творческой свободе в целом» [там же, с. 86].

Дурылин отчетливо ощущал «край времени» — точку невозврата к чистым идеалам; к этому моменту зло уже царствует повсеместно: «Мы уже стоим ныне на краю времени: и Россия, и все. Сколько еще осталось этого края — неизвестно. Но край виден: “времени больше не будет”. Истории конец» [11]. Мысль о «крае времени» с некоторыми изменениями звучит у Леонтьева, который говорил о «старости всего человечества», которая влечет за собой царство «зла и неверия». Сам Дурылин под влиянием апокалиптики Л.А. Тихомирова в обществе новоселовского кружка составил толкование семи церквей Апокалипсиса как семи исторических эпох. «По Тихомирову, современный период соответствует пятой, Сардийской, эпохе — времени, <...> когда мир только носит название христианского» [там же]. Леонтьев, по мнению о. Иосифа, не мог верить, что у России есть шанс миновать «общей

воли конца» и дать миру «новое и невиданное», — все записи К.Н. Леонтьев о возможном спасении государства от упадка лишь попытка избежать переживаний о будущем России.

Находясь в неустанных поисках чего-то настоящего, с 1906 года каждое лето Дурылин путешествует по России (Нижний Новгород, Архангельск, Каргополь, Соловки, Урал). Причину своих путешествий Дурылин объяснял усталостью от «болота с святающимися гнилушками и пнями, которые мы по глупости принимаем чуть ли не за электрические фонари», подразумевая нравственное и культурное истощение, овладевшее человеком, заставившее его отречься от Бога. По мнению Дурылина, из-за «политики» и «экономики» «не видать ни жизни, ни свободы, ни себя самого». В этих словах прослеживается истинная любовь писателя к России, не зависящая от политических дебатов и изменений в экономике, которые создают беспросветный панцирь, скрывающий неповторимую русскую культуру, нравы народа.

Уничтожение свободы народной и особенно писательской остро ощущал и К.Н. Леонтьев. Писатель мечтал о смене цензуры, публикующей книги «безцветные» и «безхарактерные», новой «философско-эстетической цензурой», которой было бы по силам очистить «умственный воздух», заменив тяжесть мыслей о политической борьбе на красоту.

Начиная с поездки в 1913 году вместе с матерью в Оптину пустынь, где С.Н. Дурылина восхищает природа, «благословенно-тихая, понимающая, смиренная и святая», к «незримому граду» русского народного Севера прибавляется «незримый град» русского монастыря, а сама оппозиция «двух градусов», «незримого» и «зримого», становится одной из главных идей его религиозно-философского творчества».

Еще одним объединившим писателей фактором, стала вера. Дурылин был бесконечно благодарен о. Иосифу — настоящему преемнику леонтьевской мысли — за его труды, способствующие сохранению «тайны жизни, личности, творчества и веры» Леонтьева. «Я чувствовал себя как бы его внуком — через сына — через о. Иосифа». В этих взаимоотношениях Л. А. Тихомиров «увидел глубину их духовной связи».

Общность К.Н. Леонтьева и С.Н. Дурылина обнаруживает себя в литературном и религиозном аспектах. Причем Дурылин выступает преемником как творческих идей Леонтьева, плотно вошедших в его писательскую деятельность, так и духовных, ведь духовный путь Леонтьева станет ориентиром в религиозном становлении Дурылина. Размышляя об истории литературной деятельности самого Дурылина, стоит отметить, что большая часть творчества автора все еще не до конца изучена, не до конца «услышана», как и труды Леонтьева. «Вопрос о Леонтьеве есть вопрос о перерождении души, о вторичном рождении — вопрос вечный, центральный в христианстве» [12, с. 171].

Итак, мы видим, что духовная близость С.Н. Леонтьева и К.Н. Дурылина обусловлена совокупностью объединяющих факторов: мировоззрением, схожей литературной проблематикой, основанной на отражении всего прекрасного в жизни, переживаниями за судьбу России. Оба писателя ощущали нехватку творческой и религиозной свободы, играющей основополагающую роль в судьбах обоих писателей.

Для большего понимания литературных трудов Дурылина и Леонтьева следует разобрать понятия бытия и бывания как категорий существования действительности, а также их связь с мифомышлением. В философии категория бытия рассматривается как синоним объективной действительности, существование объектов и явлений которой не оспаривается. Визуально бытие можно представить в виде системы поддающихся классификации, связанных между собой элементов. Среди множества подвидов бытия, созданных философами с одной лишь целью — приблизиться к пониманию сущности бытия, следует остановиться на двух и рассмотреть *материальное и идеальное бытие*.

Материальное бытие есть все предметы и явления, нас окружающие, подверженные изменениям в пространстве и времени, способные взаимодействовать друг с другом. Материальное бытие обладает жизненным

циклом, который состоит из трех этапов: появление новой вещи, постепенное ее истощение и, в итоге, исчезновение. Под категорией *идеального бытия*, открытой Платоном, подразумевают нематериальные единицы, представленные в виде результатов работы умственной деятельности, образах, существующих в сознании людей. В свою очередь, для обоснования происхождения мира силами, непостижимыми для человеческого разума, относящимися к божественному началу, из сферы идеального бытия было выделено *трансцендентное бытие*, включающее *субъективное* (последователи этой концепции отрицают существование иной действительности, доказательства которой не смог обнаружить человек, используя лишь способности мозга) и *объективное* (последователи этой концепции ощущают необходимость трансцендентного бытия, так как исток сотворения мира для них кроется в абсолютной идее сотворения жизни Богом).

Понятие материального и идеального бытия имеет общие черты с концепцией Дурылина о мире, как, во-первых, о механизме (бывании), срок службы которого сильно ограничен во времени, и, во-вторых, как об организме (бытии), изменяющемся во времени, но не исчезающем. Различия между суждениями философов и С.Н. Дурылина кроются в более детальной характеристике каждого из явлений. Бывание, по Дурылину, может быть понято как категория в большей степени ложная, так как ее суть в маскировке настоящей действительности, которую люди, изолированные от веры куполом социально-экономических представлений, попросту разучились видеть. Принцип существования парадигмы форм бытия в философии призван, наоборот, наиболее полно продемонстрировать природу предметов и явлений, доступных человеку, обладающему весомой долей пытливости.

Для Леонтьева идеальное бытие отразилось в красоте, которая для писателя стала воплощением «духовной стороны материи» как факта непоколебимости прекрасного, тяготеющего по крепости самостояния к природе. Без понимания значимости красоты, «будет ли это целый народ,

целый класс общества в своем историческом бытии или только отдельный художник», каждого Леонтьев обрекал на лишение «права на бытие».

Кроме того, писатель видел тесную связь между верой и красотой, поэтому в словах: «Я эстетик, потому что эстетика религиозна, и религиозен потому, что религия эстетична» [2, с. 190-191] содержится леонтьевское понимание служения Богу как фундамента, который ляжет в основу мировоззрения человека при возвращении ему эстетического созерцания жизни. Прекрасное в религии для К.Н. Леонтьева предстает многообразием личности, ее дифференциальными качествами. Преклонение перед Богом, по Леонтьеву, позволяет человеку, покорившись, принять «страх животный» [1], что способствует его духовному росту.

С.Н. Дурылин, избавившись от неонароднических и неославянофильских иллюзий, четко определил свой ориентир на литературном пути: «...нелюбовь к «системам» и любовь к мифу, уточнившись и кристаллизовавшись, стала творческим credo писателя» [4, с. 14-15]. Онтологическая природа мифа призвана увести человека от его примитивных желаний, связанных с выживанием; в мифе совмещены и элементы эстетики, так как пространство мифа обладает поэтическими и магическими чертами. В этом контексте стремление Дурылина приблизиться к бытию через религию и миф схоже с эстетическим мировоззрением Леонтьева, направленным на сведение к минимуму всего телесного в жизни.

Часто само понятие системы представлялось Дурылину неживой сущностью, где гибнут «клейкие листочки и сердечные слезы живого бытия»: «Я всегда гораздо больше любил разрушителей “систем”, чем их творцов» [там же, с. 15]. Придерживаясь в некотором смысле бунтарской позиции, Дурылин в творчестве и жизни выбирает категорию мифа — пространства, где все прекрасно; это пора детства, которая постепенно рассыпается, а волшебная даль сменяется на «скучную равнину эмпирической близости»: образ дали продолжает существовать, но лишь в воспоминаниях. Вместе с этим на русской

почве, как рассуждал Дурылин, проецируя миф на мышление, религию и литературу, «мифотворчество является как бы единым руслом двух мифотворящих стихий — язычества и христианства». К тому же Дурылин один из первых пришел к выводу о неизбежности синтеза смысла и образа — онтологической природе мифа, применимой к исследованию легенды о Граде Китеже и к рассмотрению противопоставления двух категорий, отмеченных во вступительной статье Т.Н. Резвых и А.И. Резниченко к «Рассказам, повестям и хроникам» С.Н. Дурылина: «Видимое временно, невидимое вечно». Чудес, по Дурылину, становится все меньше из-за «оскудения благодати на земле», а Китеж как явление невидимое скрыт от человеческого глаза из-за грехов, творимых людьми повсеместно.

Как видим, религия в восприятии Дурылина и Леонтьева помогает совершить переход от материального мира, «бывания» к миру идеальному, бытию. Сфера бытия невидима, обнаружить ее может лишь человек, обладающий мифологическим мышлением, которое позволяет усмотреть скрытую от обывателя наивную красоту жизни.

Христианское начало проникло в творчество обоих писателей, отразившись, в частности, в «Подлипках» и «Сударе коте». Как в романе Леонтьева, так и в повести Дурылина заложено символическое содержание: «Плоскость действия разворачивается не в сфере «видимого бытия», а в сфере «незримого», «умопостигаемого», так как события произведений описаны по воспоминаниям лирических героев. Осуществляется погружение в «область “брани духовной” бесов и ангелов за душу человеческую» [там же, с. 21]. Происходит заключение философских и богословских тем, их облечение в новую форму, существующую как протест против «традиционных форм «штудий», поиск нового языка для новых интуиций». Главные объекты исследования произведений — две семьи со схожим бытом, связанные глубокой верой и почитанием религиозных традиций.

Бытие рассматривается как категория воспоминаний героев, незримая, но существующая параллельно миру «видимому». При попадании героя в чуждую обстановку в отдалении от дома, герой ощущает себя потерянным, словно понимая, что истинный мир там, где дом, сродни категории бытия: «Жил я очень одиноко. В доме было просторно и богато, но безжизненно» [8, с. 74], — отмечает Владимир Ладнев, будучи отправленным на перевоспитание к дяде. Несоблюдение традиций подготовки к праздничным событиям в новом доме как бы увеличивает разрыв между Богом и человеком, который ребенком ощущается особенно остро. Единственное спасение Владимир видит во встречах с тетушкой, при виде которой два раза в год в герое просыпалась любовь «ко всему, что жило и дышало в ее деревне» [там же].

Приближение к бытию и уход от бывания в понимании Дурылина возможны через благодеяния. В матери Ирине — героине повести «Сударь кот» — сосредоточена наибольшая концентрация нравственных качеств, благодаря которым монахиня была любима семьей и прихожанами и почитаема служителями церкви. Особенно Иринею любили дети, что также показательно, так как детский разум, не замутненный социальными ограничениями, способен более детально воспринимать мир. Способность видеть события, миф издалика — вот что ценно: «Погрузить предметы в даль — это значит их приблизить» [4, с. 29].

Принцип удерживания предметов на определенном расстоянии, — делают вывод из рассуждений Дурылина А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых, — связан с детством и наивным восприятием ребенка. Детское сознание воспринимает вещи намного глубже и осознаннее взрослого; дети более внимательны к деталям, так что видят все намного значительнее, чем есть на самом деле. Кроме того, мифические истории и легенды, рассказанные детям в произведениях, можно расценивать как возможность приблизиться к таинству, незримой церкви.

В общем смысле бытие также может быть рассмотрено в связи с образом Родины, понимаемой как мир упущенных духовных ценностей. Мир, который теплится в воспоминаниях, словно золотой век, прошедший как сон о великом Пушкине, которому не суждено вернуться. Герои произведений С.Н. Дурылина и К.Н. Леонтьева, «живущие в природе», дышат «русским воздухом», недостаток которого так сильно ощущает сам Дурылин: писатель с горечью отмечает, что «многие даже и не чувят, когда в воздухе тянет запахом молодых листьев березовых, или спеющей рожью, или, вечером, сладким, тягучим запахом болотца, — и это русский запах: в нем и грусть, и сладость» [там же, с. 33].

В характере главного героя леонтьевских «Подлипок» отразились ностальгические настроения, подобные тем, которые изобразил в своем произведении Дурылин. С прекращением сладостно-мечтательной поры детства и дальнейшим погружением во взрослые приземленные заботы жители «Подлипок» в глазах Ладнева теряют шарм уникальности, представляя потрепанными жизнью экспонатами. Владимир тоскует по ушедшему времени, проведенному в поместье, с его вечно звучащим веселым говором гостей, первыми влюбленностями, трагедиями расставания: все это было мило главному герою. Встретив после многих лет Катюшу, герой видит, как изменилась девушка, отмечает, что, несмотря на жестокость Модеста, она не ощущает себя жертвой и даже гордится тем, как лихо обманывала влюбленного Владимира; вместе с тем герой отмечает и знакомые черты той самой Кати, пришедшей в господский дом замкнутой и напуганной девочкой: «Хотя это уже не та Катя, что плясала по вечерам в людской, не та, что плакала по детям, отданным в воспитательный дом и умершим потом <...> Но все тот же очерк продолговатого лица, все та же болтливость и радость при встрече со мной» [8, с. 244]. Вспоминая о всех более или менее значимых лицах, Владимир понимает, что единственной, кто «не обманул и не разочаровал» его, навсегда останется Паша — дочь о. Василия, которую память Ладнева запечатлела как

«белокурого, кроткого и невинного ребенка». Паша не могла быть представлена иным образом, так как записки Владимир начинает именно с детского воспоминания о знакомстве с девушкой, а детство напрямую связано с понятием мифа. Ладнев размышляет о Паше меньше, чем о других героях: ее образ предстает лишь в начале и конце произведения, что наводит на мысль о конкретной идее автора — показать, как мало осталось людей чистых помыслами и душой, ведь, только обладая качествами Паши, человек может претендовать на переход из бывания в бытие.

Интересно сравнение поколений семей, представленных в прозе Дурылина, с деревом, что логично, ведь часто родословные представляют в виде ветвей; писатель отмечает, что род, чтящий Господа Бога, бросает корни не только в земле, но и, как подчеркивают А. И. Резниченко и Т. Р. Резвых, «“в почве вышней”, на небесах» [4, с. 31]. Уход дурылинских героев в веру обоснован укреплением рода, так как у него появляется сразу две почвы и два корня. Как человек потерял в себе Бога, так и Россия отделилась от Руси. Дурылин старался «воссоздать ее [Святую Русь] в пространстве литературы <...> эту творческую задачу автор и решал в своей прозе. Он писал о тех корнях, на которых стояла Русь, а благодаря ей и Россия; о тех окнах, сквозь которые бывание освящалось бытием. Отрыв России от Святой Руси и ее гибель были следствием онтологического греха беспамятства, забвения «окон», форм, что были способами связи Святой Руси с Богом, а потому и способами «самостоянья» России» [там же, с. 34].

Как для Дурылина, так и для Леонтьева важным принципом создания образов становится «координация» поступков героев с божьими заповедями, облечение мыслей в форму ритуалов и молитв; «на координированности с Богом держится жизнь героев повести, купеческий домашний быт, труд, пост и молитва дают им «тихость» и «мир» [там же, с. 35]. Тихостью Дурылин называет состояние души, сродни прилагательному «благостный», образованному от «благости» или «радостный» от «радости», способность духа

человека воспарять «на высях гор». «Тихостным» человеком для писателя виделась его бабушка — Н.Н. Кутанова, ставшая одним из трех прототипов героинь «Сударя кота», включающих духовную подругу писателя И.А. Комиссарову и маму Дурылина А.В. Дурылину (Кутанову). Эти женщины — главные героини жизни писателя, ставшие духовной опорой этого человека на разных этапах его судьбы.

С возрастом мы все сильнее отдаляемся от детской чистоты, оставляя веру в чудо. «Сударь кот» Дурылина и «Подлипки» Леонтьева призваны вернуть читателя в пору детства, помочь провести параллели между событиями и судьбами героев в произведениях и собственными воспоминаниями человека. Семейная повесть «Сударь кот» и роман «Подлипки» в своем роде дидактические, так как направлены на воспитание в человеке добродетели. Главное, что учитывают писатели, создавая своих героев, — чувство эмпатии, ощущение ценности семьи и общности перед Богом.

Список литературы:

1. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли). – URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/03_berdy.pdf (дата обращения: 07.06.2023).
2. Гоголев, Р.А. Религиозная и эстетическая константы философского дискурса К.Н. Леонтьева / Р.А. Гоголев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1-3. – С. 190-194. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-i-esteticheskaya-konstanty-filosofskogo-diskursa-k-n-leontieva/viewer> (дата обращения: 06.06.2023).
3. Дурылин, С.Н. В своем углу: Из старых тетрадей. – М.: Моек, рабочий, 1991. – 336 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/durylin_v_svoem_uglu_1991__ocr.pdf (дата обращения: 08.05.2023).
4. Дурылин, С.Н. Рассказы, повести, хроники / Сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 861 с.

5. Захарова, В.Т. Проза К.Н. Леонтьева как преддверие неореализма XX века (роман «Подлипки»). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proza-k-n-leontieva-kak-preddverie-neorealizma-hh-veka-roman-podlipki> (дата обращения 05.05.2023).

6. Коршунова, Е.А. Книга С.Н. Дурылина «В своем углу»: опыт прочтения и интерпретации // *Litera*. – 2020. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-s-n-durylina-v-svoem-uglu-opyt-prochteniya-i-interpretatsii> (дата обращения 06.05.2023).

7. Коршунова, Е.А. С.Н. Дурылин о М. Горьком / Е. А. Коршунова // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2018. – № 5. – С. 86-96. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36527310_70469796.pdf (дата обращения: 07.05.2023). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

8. Леонтьев, К.Н. Подлипки (Записки Владимира Ладнева). Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания / Сост., авт. Вступ. Ст. и примеч. В.А. Котельникова. – М.: Современник, 1991. – С. 18-246.

9. Мотеюнайте, И.В. Сергей Николаевич Дурылин — исследователь русской литературы. – М.: Литфакт, 2020. 238 с.

10. Резвых, Т.Н. Сергей Дурылин об эстетике К. Н. Леонтьева / Т.Н. Резвых // *Христианское чтение*. – 2016. – № 1. – С. 64-144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sergey-durylin-ob-estetike-k-n-leontieva/viewer> (дата обращения: 08.05.2023).

11. Резвых, Т.Н. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С. Н. Дурылина / Т.Н. Резвых // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия*. – 2015. – № 3(59). – С. 83-118. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apokalipsis-i-rossiya-eschatologicheskaya-tema-u-s-n-durylina/viewer> (дата обращения 07.05.2023).

12. Резвых, Т.Н. «Таинство понуждения»: доклад Сергея Дурылина о Константине Леонтьеве: «Писатель-послушник» / Т.Н. Резвых // *Христианское чтение*. – 2017. – № 3. – С. 159-182. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tainstvo-ponuzhdeniya-doklad-sergeya-durylina-o-konstantine-leontieve-pisatel-poslushnik/viewer> (дата обращения: 06.05.2023).

13. Резвых, Т.Н. Сергей Дурылин об эстетике К. Н. Леонтьева / Т.Н. Резвых // Христианское чтение. – 2016. – № 1. – С. 64-144. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sergey-durylin-ob-estetike-k-n-leontieva> (дата обращения: 07.05.2023).

14. Резвых, Т.Н. Отец Сергей Дурылин - исследователь творчества К.Н. Леонтьева) // Христианство и русская литература : сборник : [науч. изд.] ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; [отв. ред. В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко]. – 2012. – Сб. 7. – С. 274-357.

15. Русакова, О.Ф. Историсофия: толкования предмета и типология / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2002. – № 3. – С. 3-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofiya-tolkovaniya-predmeta-i-tipologiya> (дата обращения: 05.05.2023).

16. Чернышев, С.Н. Сергей Николаевич Дурылин - ученый и тайный священник советской эпохи / С.Н. Чернышев // Ипатьевский вестник. – 2022. – № 2(18). – С. 157-181. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48586191_88924081.pdf (дата обращения 08.05.2023). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.